

МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

Революция и судьбы философии

И.К. Пантин

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ДРАМАТИЧЕСКИЙ ПУТЬ К СОВРЕМЕННОСТИ

Пантин Игорь Константинович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: i.pantin@mail.ru

Нынешние споры в России об историческом значении Октябрьской революции связаны, по мнению автора, не с открытием кардинально новых фактов, касающихся этой эпохи, а с борьбой разных культурно-политических направлений по поводу включения Октября в Современность. Распространенная сегодня в нашей литературе либерально-прогрессистская оценка Октябрьской революции основывается на заданности западноевропейского пути развития для всех стран, которая объявляется само собой разумеющимся «историческим законом». Поэтому непохожесть, несоответствие с этим путем, отклонение от этого шаблона поступательности квалифицируются как выпадение из цивилизационного процесса, как результат вмешательства «неисторических» сил. Разумеется, для такой концепции исторического развития не существует ситуаций, когда массы становятся субъектами, т. е. существами, способными к «самозаконодательству», рвущимися с логикой старого порядка. Причем это происходит не по свободной воле как таковой, а по принуждению обстоятельств, диктующих революционные действия. По мнению автора, такой подход к истории является в наше время предпочтительным и объясняет с научных позиций такое событие, как Октябрьская революция. Автор статьи считает, что исторической задачей Октября был не социализм как таковой, а создание условий, при которых новые экономические силы могли бы развиваться по образцу передовых стран. Автор полагает, что истолкование прошлого не может сводиться только к отысканию ошибок и преступлений тогдашних исторических деятелей. Оно должно быть объяснением сложившегося в определенную эпоху хода дел. В этом смысле в статье анализируется ленинская концепция НЭПа и план Ленина преобразовать крестьянство через добровольную кооперацию деревни и города. Сталинская форсированная индустриализация и «социалистическая» коллективизация деревни были осуществлены не путем руководства (согласования интересов целого с устремлениями разных социальных групп), а с помощью диктатуры партии-государства, включавшей огромный объем насилия. Лозунг строительства социализма преследовал скорее цель мобилизации масс для скорейшей индустриализации страны, не считаясь с жертвами и потерями. В определенном смысле, с точки зрения автора, Октябрьскую революцию и постоктябрьское развитие можно поставить в один исторический ряд с прошлыми модернизациями в России (Петр I и Александр II).

Ключевые слова: революция, альтернатива, диктатура, партия, якобинство, субъектность, исторический процесс, самодержавие

Каждая эпоха по-своему включает прошлое в настоящем. Нынешние споры об исторической роли Октябрьской революции связаны отнюдь не с открытием каких-то новых данных, связанных с этим историческим событием, – ничего сколько-нибудь принципиально значимого в фактологическом отношении в них не присутствует, – а с борьбой разных способов включения Октября в настоящее, в Современность, вплоть до отлучения его от истории. Другими словами, мы имеем дело с *дейтельно-практическим* отношением к Октябрьской революции в разных его версиях, социалистических, либеральных, монархических. Уже одно это затрудняет обнаружение реального смысла политического переворота, произошедшего столетие назад, в 1917 г. А если к сказанному прибавить такие особенности Октябрьской революции, как социалистический переворот (в стране «средне-слабого» развития капитализма), разрыв со всем предшествующим, включая традиции и «буржуазную» культуру, то становится ясным, насколько трудно оценить нам, сегодняшним, достижения и противоречия этого социального переворота. К этому надо прибавить постреволюционный «самодержавный модернизм», господство безликой бюрократии, присвоившей себе роль надсмотрщика по отношению к собственному народу, огромные жертвы во имя «социализма» и... беспрецедентный результат – превращение России в могучую индустриальную державу.

И еще загадка: пассивность народа, весьма слабое сопротивление тоталитарному режиму, «проблема субъекта, добровольно уступающего свою роль “творца истории” и не только пассивно, но и активно участвующего в постреволюционной десоверенизации, в коллективном обезчеловечивании»¹.

Чаще всего осознание действительного значения событий начинается тогда, когда это событие пережило само себя и клонится к закату. 1953-й, 1968-й, 1985-й, 1991-й – все это этапы, когда мы уходили шаг за шагом от себя, верноподданных доктрины коммунизма. Уходили, не дозрев до критики пройденного пути изнутри, до сознательного объяснения с собою. За это история отомстила нам. К столетней годовщине Октябрьской революции появилось целое поколение политологов, философов, социологов, которые оказались уже не в силах отделить от себя то, что было, превратить его в прошлое. Революция воспринимается ими как случайная историческая травма, как вторжение неких сил, не поддающихся символизации. Пафос отлучения Октябрьской революции от истории, проклятия в адрес Октября застилают нынешним критикам глаза, оставляя без ответа современные вопросы нашего развития. Ретроспективная утопия («как бы надо было сделать тогда») становится распространенной и, главное, модной формой оценки революции и всего того, что за ней последовало.

Конечно, люди постоянно «переписывают» историю, меняют значимость тех или иных событий, включают в картину прошлого новые элементы, тем самым ретроспективно придавая им символический статус. Этот процесс неизбежен и естественен. В нем событие предстает таким, каким оно было. Но здесь таится и опасность. «Изначальная “иллюзия” субъекта состоит в том, что он просто забывает о необходимости учитывать свои действия в данных событиях, то есть упускает из виду, что тот, кто считает, тоже включен в подсчет»². Эту особенность исторического познания не учитывают ни сторонники, ни противники Октября.

¹ Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 441.

² Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 63.

Но главное все-таки заключается в другом: Октябрьская революция все еще вызывает споры. Не до конца понятая и осмысленная, она с трудом превращается в *прошлое*, и чем энергичнее мы отрицаем или, наоборот, восхваляем ее, тем дальше мы уходим от научного отношения к ней. В этой связи уместно напомнить слова Хосе Ортеги-и-Гассета. «...Превзойти прошлое можно только при одном неумолимом условии – надо его целиком, как пространство и перспективу вместить в себя... Было бы недурно, если бы безоговорочное “нет” могло покончить с прошлым. Но прошлое по своей природе *revenant* (привидение. – *И.П.*). Как ни гони его, оно вернется и неминуемо возникнет. Поэтому единственный способ избавиться от него – это не гнать. Прислушиваться к нему. Не выпускать его из виду, чтобы перехитрить и ускользнуть от него. Короче, жить “на высоте своего времени”, обостренно чувствуя историческую обстановку»³.

Данная статья – попытка пройти между Сциллой и Харибдой, между мифологией истинной, равной себе Октябрьской революции, с одной стороны, и утверждением о «ненужности», «случайности» революционного переворота, с другой.

Начну излагать проблему с определения места Октябрьской революции во всемирно-историческом контексте. Как представляется автору, в случае с Октябрьской революцией мы имеем дело с реальным событием нашей цивилизации, которое в свое время сыграло выдающуюся роль в истории нашей страны и в истории всего мира. В XX веке капиталистическая формация становится не только глобальной, но и многовариантной. Полюсы ее разошлись настолько, что на одном из них (страны «золотого миллиарда») социальные противоречия, породившие в свое время рабочие движения и социалистическую идеологию, оказались либо превзойденными по существу, либо в основном были разрешены в условиях развития новейшего капитализма. Многие из того, что считалось исторической миссией социализма, – национализация ряда производств, меры против прогрессирующего обнищания трудящихся, социальное страхование, регулирование государством экономической жизни общества и т. п. – стало условием развития капитализма на современной стадии. В условиях современного капитализма это привело к утрате альтернативности *status quo*, закрытию горизонта качественно нового в нравственно-историческом плане. Это, по мнению Б. Капустина, «дегенерация истории в эволюцию, в которой технико-экономический рост отсоединяется от нравственно-политической трансформации, а место будущего занимает пролонгированное и приумноженное настоящее»⁴.

Другой полюс капитализма, куда входили страны «вторичного и третичного», «вообще производного» (К. Маркс) развития капиталистических производственных отношений, стадийно стал отличаться от первого. В этих странах развитие капиталистических форм производства по ряду причин не революционизировало такие важные сферы производства, как, например, сельское хозяйство в России, с которым была связана жизнедеятельность большинства населения страны.

Там продолжали господствовать иные, полукрепостнические отношения. В этих странах «традиционный» капитализм обнаружил свою историческую ограниченность, не проявив сколько-нибудь прогрессивных функций (торжество индустриализма, вытеснение из сферы народного хозяйства всех докапиталистических форм, утверждение парламентско-демократического политиче-

³ Ортега-и-Гассет Х. Избр. тр. М., 1997. С. 96–97.

⁴ Капустин Б.Г. Критика политической философии. Избр. эссе. М., 2010. С. 112.

ского устройства и т. п.). Что касается крупного капиталистического производства, то оно насаждалось государством и одновременно было обусловлено существованием способов производства, находившихся на иной, более низкой, чем он, стадии развития. Проникавшее в докапиталистические отношения буржуазное содержание не сглаживало противоречия между этой капиталистической революцией страны и отсталыми способами производства в сельском хозяйстве, а, наоборот, обостряло их. Вот почему социальный протест против такой капиталистической формы общественного развития (антикапитализм) возникает здесь очень рано и под воздействием рабочего движения стран Западной Европы приобретает социалистическую форму.

Социалистическое обновление России при том уровне развития экономических, общественных отношений и культуры превращалось по существу в радикальный способ преодоления отсталости путем создания условий, позволяющих модернизировать экономику и образ жизни России. С высоты сегодняшнего дня можно сказать, что в октябре 1917 г. решался вопрос: *остаться* нам Россией, сохраняя себя в том виде, который некоторым (а иногда и многим) мнится как чисто «русский», или же *стать* новой страной в контексте современной цивилизации? Осознание предмета спора, конечно, не означает решения спора, но оно, по крайней мере, позволяет правильно поставить вопрос и очертить круг проблем, разводящих до сих пор исследователей в разные стороны.

А теперь – к вопросу о «случайности» революции, ее, так сказать, «неправомерности». Людям, занимающимся осмысливанием истории (точнее, «философией истории», которую вытеснил у нас исторический материализм), известно, что случайно, неожиданно возникающее в общественной жизни событие способно обрести страшную силу необратимости. В этом смысле «случайна» не только Октябрьская революция, но и французская буржуазно-демократическая. Обе революции, как известно, оказали громадное воздействие на развитие своих стран и других народов, европейских и неевропейских. В этом плане использование термина «случайность» в отношении Русской революции и ее заключительного этапа, Октябрьского переворота, теряет смысл: случайность здесь перерастает в необходимость. Дилемма «или-или» (или случайность, или необходимость) в отношении крупных исторических событий сплошь и рядом теряет свою остроту.

Собственно, теоретическое обоснование «непринятия» исторической обусловленности Октябрьской революции базируется на *заданности западноевропейского типа общественного развития* для всех стран и, естественно, для России. Этот тип развития представляется большинству критиков революции само собой разумеющимся «историческим законом». Несовпадение с ним исторического движения нашей страны, непохожесть, а тем более отклонение от этого шаблона поступательности объявляется выпадением из цивилизационного процесса, нарушением его путем вмешательства «неисторических» сил. С парадигмой заданности соседствует теория заговора, которую историк Т. Шанин назвал «подтекстом теории прогресса». С таким пониманием истории связаны оценки Октябрьской революции рядом философов, литературоведов, социологов, экономистов («конец русской истории», «кровавый авантюризм», «позорное пятно в русской истории», «торжество бесовщины» и т. п.).

Октябрь, по мнению, критиков, является чем-то вроде цунами российской истории, неожиданно образовавшейся пропастью, в которой исчезло все, что было лучшего в русской культуре. Сторонники этой теории считают,

что российское общество в начале XX в. являлось настолько динамичным, что никакая революция ему была не нужна. И если она все-таки произошла в силу стечения обстоятельств, то это скорее результат заговора антинациональных сил во главе с Лениным. Капиталистические механизмы хозяйствования (о докапиталистическом хозяйстве речи почему-то не идет) были сломаны, в стране воцарился хаос, исчезла свобода и право, страна оказалась отброшенной далеко назад.

Для них приемлемы только такие изменения, которые вытекают из тенденций и закономерностей старого порядка и являются продолжением его логики. Революция же означает разрыв с логикой старого порядка, нарушение причинности развития, разрыв с детерминизмом. Для таких исследователей не существует ситуации, когда люди становятся субъектами, т. е. существами, способными к «самозаконодательству», по принуждению *обстоятельств, с которыми они не могут иным образом справиться*, а совсем не по зову своей нравственной природы⁵. Они действуют во имя освобождения от старых порядков. Свобода в революции – не цель для них, а средство решения возникающих проблем, что, впрочем, не исключает превращения ее в дальнейшем в самоцель.

Думаю, что в отношении случайности революции следует вспомнить о гегелевской теории повторения в истории, которая иллюстрируется мыслителем на примере событий, связанных с убийством Юлия Цезаря, который фактически становился императором вопреки республиканским традициям. Он был убит заговорщиками. Но Цезарь-император воплощал в своей личности нечто большее, чем его претензии на личную власть. В условиях, когда республика потеряла свою жизнеспособность, единственной формой сохранить римскую государственность становится монархия – государственное устройство, основанное на воле отдельного человека. Брут, Кассий и другие заговорщики думали, что убийством Цезаря они смогут вернуть римскому народу прежнюю государственность. Но последняя была обречена в силу последовавших исторических событий. Следствием убийства Юлия Цезаря стало воцарение Августа-цезаря. Цезарь как личность повторился как Цезарь-император. То, что первоначально воспринималось как случайный взрыв страстей, повторяется, обретает статус исторической необходимости. Иными словами, повторение в истории свидетельствует о наличии закономерности.

В определенном смысле сходным образом развивалась Русская революция. Царизм вынужден был в 1905 г. сделать уступки городскому населению России, иначе бы он просто не устоял против революционного натиска. Но ему удалось подавить крестьянскую революцию – оселок массовой революционной борьбы в 1905–1907 гг. Сторонившиеся горожан (и социал-демократов, и эсеров) крестьяне, боровшиеся за решение главного вопроса своей жизни – аграрного, потерпели поражение. Но логику истории самодержавию обмануть не удалось: подавление крестьянской революции способствовало созданию условий для более глубокой и беспощадной революции, в которой объединились, да еще в условиях войны, рабочие и крестьяне. То, чего удалось избежать в 1905–1907 гг., не просто случилось, но умножилось позднее: в лице Советов революционные массы и революционные партии пошли гораздо дальше старых требований.

Пролетарская революция произошла в нашей стране вовсе не потому, что капитализм в России исчерпал все ресурсы своего развития: наоборот, он развивался и в России, и во всем мире. Проблема заключалась в другом – в

⁵ Капустин Б.Г. Критика политической философии. С. 159.

невозможности преодолеть с помощью буржуазного развития страны процессы, идущие от крепостнического прошлого, и новые, связанные с особенностями российского капитализма антагонизмы и рассогласования. Прогресс в России, не переставая быть буржуазным, оказался невозможным в конкретных условиях, сложившихся в стране к 1917 г., без коренных социальных и экономических мер, выходящих за пределы «допустимых» для буржуазии. Иными словами, в России произошла не посткапиталистическая (социалистическая) революция, а некапиталистическая, социальная. С точки зрения социально-экономического развития речь могла идти непосредственно не о социализме, а о создании таких экономических, политических и культурных условий, которые в случае пролетарской революции в Европе позволяли бы России двигаться – с учетом своих данных – по пути индустриально развитых стран, заимствуя и обновляя наиболее высокие результаты общечеловеческого прогресса.

Лозунги Октябрьского переворота «Мир народам», «Земля крестьянам» даже с натяжкой не могут быть названы социалистическими. Но особенность ситуации заключалась в том, что в 1917 г. они носили антибуржуазный характер. Мир можно было тогда установить, только свергнув буржуазное Временное правительство, связанное договором со странами Антанты. Земельную реформу Временное правительство собиралось осуществить, когда соберется Учредительное собрание. Но в революционные эпохи промедление ведет к политическому краху. Так демократические меры (в смысле социальной демократии) стали осуществлять социалистические партии – большевики и левые эсеры. Таким образом, социалистическая оболочка скрывала прогрессивное демократическое ядро. Социализм России оказался той идеологией, которая стимулировала проведение далеко идущих социальных преобразований, на которые «обычная» буржуазная демократия решиться не смогла.

Рабочие, солдаты, беднейшее крестьянство назвали Октябрьский переворот социалистическим. Конечно, это было преувеличение, и Ленин неслучайно весьма осторожно высказывался в это время о социализме, понимая, что речь может идти в России только о зачатке, начале пути к социализму. Проложить путь к социализму могли, по его убеждению, рабочие развитых европейских стран. И действительно, на повестку дня как исторический вызов, как насущная потребность Октябрем были поставлены не социалистические преобразования, а создание нового механизма общественной интеграции, способного удержать на почве цивилизации многообразные и разнообразные движения, представляющие опасность для целостности страны. Во всяком случае, в октябре 1917 г. невозможно было обнаружить объективное содержание будущих перемен.

В 1921 г. Ленин уже прямо заявляет, что «непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране»⁶. Что касается социализма, то он в России сводился для Ленина непосредственно перед переворотом к завоеванию командных высот в экономике и государству типа Парижской коммуны. Пролетарская революция в России мыслилась им как «пролог всемирной социалистической революции», как «ступенька к ней», не более того. Вот почему он отвергал всякие социалистические эксперименты как неуместные и несвоевременные. Его позицию удачно охарактеризовал М. Гефтер: «Россия может начать

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 44. М., 1970. С. 144.

новый Мир, не вводя социализма, но и не минуя его»⁷. Другое дело, что в годы «военного коммунизма» он совершает крен в сторону социализма. Это объясняет, почему он так долго и мучительно шел к идее НЭПа, но, придя к ней, опередил свое время.

Победа Октябрьского переворота была в числе прочего связана с тем, что субъектность «низов» (рабочего класса, городской и сельской бедноты) сформировалась раньше, чем субъектность буржуазных кругов (дворянства в лице офицерского корпуса, городской и сельской буржуазии, буржуазной интеллигенции). В октябрьские дни 1917 г. Временному правительству не на кого было опереться: заговор Корнилова провалился, боеспособные части в Петрограде объявили нейтралитет, буржуазия «спасала» Россию в кабинетах Государственной Думы. Страх образованного общества перед анархией «улицы» сковывал активность всех буржуазных партий. Зато большевики с их четкой дисциплинированной организацией, руководители которой знали (или им казалось, что знали), для чего они берут власть, оказались наряду с левыми эсерами единственной реальной силой в Петрограде, способной справиться с анархией и растерянностью. Рабочий класс Петрограда в лице Советов и Красной Гвардии поддержал большевиков и привел их к власти.

Свою субъектность силы, противостоявшие новой власти, обретают после октябрьского переворота, в ходе гражданской войны, когда разнородные контрреволюционные элементы (офицерство, казаки, городская и сельская буржуазия) объединились. Антагонизм по отношению к своему врагу отодвинул на задний план прошлые политические противоречия монархистов, кадетов, правых эсеров. Благодаря такому снятию разногласий объединяющим центром контрреволюции становится «белое» движение.

Вряд ли в формате статьи целесообразно рассказать о перипетиях гражданской войны. Остановлюсь лишь на двух пунктах.

Первое. В гражданской войне впервые возникают условия для осуществления альтернативы Октябрьской революции: раскол внутри российского общества достигает максимума, он проходит через умы и волю миллионов людей. Силы, враждебные революции, самоопределяются. И что же? Белое движение оказалось неспособным выработать программу будущего, которая объединила бы большинство населения страны и стала бы альтернативной Октябрю. Разумеется, в военном отношении контрреволюция могла побеждать большевиков. Но судьба белого движения в политическом отношении все-таки была предрешена, поскольку оно не сумело повести за собой крестьянство, основную часть населения страны. Классовый эгоизм, политическая близорукость не позволили «белым» предложить крестьянам, нерусскому населению лозунги, которые подняли бы основную массу крестьян и «националов» на борьбу с большевиками. Все, что они предлагали, сводилось в конечном счете к реставрации старых порядков. Зато большевики прекрасно понимали роль крестьянства в судьбах революции. Они поняли, что Кронштадтский мятеж 1921 г. и антоновщина с их лозунгом «Советы без коммунистов» реально способны повернуть крестьян против большевистского режима и кардинально изменить ход событий. Поэтому жестоко подавив эти восстания, они без промедления приняли на X съезде РКП(б) программу НЭПа.

Второе. В ходе гражданской войны пролетарская революционность приобретает яacobинский характер. Думается, что глубже всех из марксистов яacobинство охарактеризовал А. Грамши. Яacobинцы, по Грамши, «были

⁷ Гедтер М.Я. Из тех и этих лет. С. 251.

реалистами типа Макиавелли, а не абстрактными политиками. Они были убеждены в абсолютной правильности лозунга “свобода, равенство, братство” и, что особенно важно, в правильности этого лозунга были убеждены широчайшие народные массы, которых якобинцы пробудили и вовлекли в борьбу»⁸. То, что идеология большевиков была коммунистической, не меняет сути дела. В политике всегда следует проводить различие между идеологией партий и характером их деятельности, представлением о себе и реальной сущностью практики.

Как и якобинцы, большевики вели политику насильственного развязывания энергии народных масс с тем, чтобы сделать их союзниками рабочего класса, силой подталкивали разные группы и классы, навязывали народу России, крестьянству прежде всего, позиции более передовые по сравнению с теми, которые были возможны благодаря тогдашним историческим предпосылкам. Они форсировали развитие событий, силой подавляя несогласие отдельных групп населения. Якобинский большевистский режим не считался и с интересами пролетариата, пресекая любые попытки самостоятельности рабочих организаций и подавляя недовольство экономической политикой, диктатурой пролетариата⁹.

Значение якобинской политики («военный коммунизм») в последующей истории советской республики оказалось огромным. В годы НЭПа и в последующий период большевики все меньше верили в способность народа к сознательному, конструктивному действию и все больше – в собственное бесконтрольное действие, в воспитательную силу арестов, расстрелов и т. п.

Резюмируем сказанное. Лишь с победой пролетарской революции исчерпал себя комплекс зародившихся после 1861 г. проблем, главную из которых крестьянство попыталось решить в 1905–1907 гг. С торжеством Октябрьской революции рабочий класс и крестьянство нанесли поражение «высшим классам» старой России, связанным прямо или косвенно с полуфеодальной эксплуатацией крестьянства. Но революция не ограничилась решением вопросов, доставшихся ей от прошлого. Переход государственной власти в руки большевиков означал кардинальное изменение социально-политического вектора развития России. В этом смысле революция явилась историческим переломом в судьбах страны. Другое дело, что по своему содержанию она не вышла, да и не могла выйти за пределы капиталистического развития. (Любопытный штрих: Ленин неоднократно говорил своим товарищам, что государственный капитализм в России выше, чем социализм.)

* * *

Победа в гражданской войне поставила перед большевистской партией труднейшую задачу – перейти от военно-политических методов управления страной к экономическим, да еще в условиях рыночного хозяйства. Иначе сохранить политическую гегемонию по отношению к крестьянству было нельзя. Но как раз эту задачу большевикам оказалось решить труднее всего. Якобински-революционные методы довели над сознанием большинства членов партии. И сколько бы ни выступал Ленин против них, сколько бы ни угрожал провалом «дела Октября», он не мог переломить общее настрое-

⁸ Грамиш А. Избр. произведения: в 3 т. Т. 3. М., 1959. С. 364.

⁹ Иванов Ю.М. Социальная история России в свете трансформации экономических отношений в конце XIX – начале XXI века. М., 2007. С. 101–108.

ние. Впоследствии Сталин воспользуется этим настроением и направит его против противников «социалистической коллективизации». Это было начало драматического и трагического исторического процесса в жизни страны, который должен быть обязательно включен в понятие Октября как эпохи. Начало, как это часто бывает, находилось в умах...

Каждая великая революция заканчивается Термидором, который превращает исторический прорыв в новую норму, в новую повседневность. Термидор не равнозначен прогрессу, но и не противоречит ему. Он вводит революцию в ее «законные» рамки. Подобно тому как существуют разные революции, существуют и разные термидоры. Во Франции термидор осуществлялся с помощью политического переворота, затем после череды сменяющих друг друга термидорианцев их сменяет Наполеон. Именно он превращает государство в упорядоченную бюрократию, опирающуюся на победоносный милитаризм.

В России основой термидоризации (Ленин надеялся, что она будет самотермидоризацией) должен был стать НЭП. С его помощью предполагалось привести в соответствие политический скачок, совершенный в 1917 г., с наличными экономическими и культурными условиями, покончить с политикой «военного коммунизма». Конечно, Октябрьская революция стала победой новой России над старой. Однако от прошлого новая Россия унаследовала огромный массив проблем, по отношению к которым революция вынуждена была выступать не завершением, а продолжением исторической работы капитализма. НЭП, если бы его идеи были поддержаны партией, означал альтернативу Октябрьскому перевороту. Вопрос стоял так: или НЭП, коренное обновление начал Октябрьской революции, или следование по пролетарски-якобинскому пути. В первом случае, по мнению Ленина, перед Россией открывалась перспектива общественного устройства, соответствующего потребностям цивилизации XX в., во втором – страна рисковала потерять основные завоевания революции.

НЭП означал прежде всего компромисс по отношению к крестьянству – большинству населения России. Собственно говоря, опыт компромисса у большевиков имелся: на II съезде Советов они приняли эсеровский Декрет о земле и тем самым обеспечили победу революции. Но речь шла о большем: об уступках крестьянам как мелким производителям, мелким буржуа, о сосуществовании разных экономических укладов в условиях рынка, рыночного хозяйства и регулирующей роли пролетарского государства. Движение к социализму через НЭП обновляло социалистическую доктрину, приспособляло ее к условиям страны «средне-слабого» развития капитализма.

Констатируя различные интересы крестьянства и городского пролетариата («мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий»), Ленин тем не менее подчеркивает, что в условиях политического господства пролетариата интересы крестьянства в равной степени заслуживают удовлетворения. (Спустя полвека Китайская компартия признает, что и интересы буржуазии тоже заслуживают удовлетворения.) Вместо прежних призывов к «решительности» в ленинском лексиконе того времени на первый план выдвигаются такие понятия, как «компромисс», «уступки», «уступчивость», «постепенство», «оживление предпринимательства» и т. п. А главное, он призывает «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться с нами крестьянская масса»¹⁰.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 45. М., 1970. С. 78.

Поставив вопрос о НЭПе как альтернативе Октябрю, Ленин должен был поставить вопрос: что делать с партией, которую он создал и которая не мыслила себя иначе, как радикальная партия революции. Ответа на этот вопрос он не нашел. Тем более не нашли его преемники Ленина (собственно говоря, они и не искали). Эта неразрешимость объединяла их и вместе с тем делала непримиримыми врагами, исключая по существу коллективное руководство партией и страной. Путь к единоличной власти был открыт.

Отчаянное положение страны, а также авторитет Ленина обеспечили поддержку нового политического курса. На X съезде РКП(б) почти без дискуссий принимается переход от продразверстки к продналогу, который предполагал далеко идущие изменения в экономической политике партии и государства. Но коренное изменение постановки вопроса о социализме осталось непонятым коммунистами. НЭП большинством партии был истолкован как временный политический маневр, предполагающий последующее решительное наступление против буржуазии, средней и мелкой. Идеи и практика «военного коммунизма» крепко засели в головах членов партии, рабочего класса и крестьянской бедноты. Напрасно, предчувствуя опасность, Ленин предупреждал о неизбежности внутреннего провала дела революции в случае попытки решать все и всякие задачи «по-революционному». Его предупреждения не возымели действия. Опасность провала дела Октября оставалась. Вехами нарастания опасности стали и непонимание последних работ Ленина, и отказ делегатов XIII съезда партии выполнить волю умершего вождя, и разразившаяся борьба внутри руководства партии, и многое другое. Конечно, непонимание новой постановки вопроса о социализме большинством партии сыграло свою роль во «внутреннем провале» дела Октября. Однако истоки провала социализма как способа жизнедеятельности (что не совпадает со способом производства) лежали гораздо глубже.

Социальная революция такого типа, как Октябрьская, не только разрывает «порочные» исторические круги, но и создает их на новом уровне. Ведь это движение по «перевернутой» схеме: сначала овладение властью, а затем на этой основе создание материальных предпосылок для социализма предполагает особую зрелость субъективного фактора – не только политическую, но и культурную. Зрелость же в свою очередь предполагает, в качестве условия, иной, более высокий экономический социальный уровень, т.е. предпосылку, которую еще предстояло создать в России. Как удачно сформулировал ситуацию экономист А. Колганов, социализм «и построить нельзя, но и не строить тоже нельзя»¹¹. Порочный круг этот невозможно (чрезвычайно трудно) было превратить в спираль, пока страна находилась в изоляции, была вырвана из международного разделения труда и правильных экономических и культурных отношений с другими странами.

Ленинская идея «подтягивания» России до уровня цивилизованных стран с помощью политической надстройки имела резон. Но в России политическая надстройка, особенно государственная, была донельзя отсталой. «Наш аппарат (аппарат государства. – *И.П.*) из рук плох», – понимал Ленин. Он представляет собой «пережиток старого», «буржуазную и царскую мешанину». К тому же государственная машина была сильно бюрократизирована и слабо контролировалась ЦК партии. Задача созданной руководством партии ИКК – РКИ заключалась как раз в «пересоздании» этого аппарата. (В скобках замечу, что пересоздать его не удалось).

¹¹ Колганов А.И. К оценке социально-экономической природы общества советского типа // Социализм 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М., 2009. С. 359.

В отличие от Ленина Сталин предпочел старый, российский путь модернизации путем «революции сверху» – ломки сложившегося уклада жизни населения, подчинения экономических и политических ресурсов страны задаче ускоренной индустриализации. А для этого потребовалось сосредоточение политической власти, государственной воли в одном лице. Для роли нового властителя Сталин оказался самой подходящей фигурой. Как и Ленин, он был уверен в объективной неизбежности смены капитализма социализмом. Но если Ленин считал себя «исполнительным мозгом» этой объективности, то для Сталина существовала *только персонифицированная объективность*, т. е. воля и действия вождя.

До революции государственная воля была представлена фигурой самодержца. Именно по его воле ломался прежний уклад жизни населения (Петр I, Александр II) и **«искусственно» насаждались передовые по европейским меркам формы экономических отношений**. При этом интересы развития страны вырывались из сферы самодеятельности общества и противопоставлялись ему в качестве предметов деятельности государства. Такая модернизация объяснялась слабостью, неразвитостью общественных сил, интересы которых совпадали с предлагаемыми переменами, вынужденным, недобровольным характером изменений, проводившихся в чрезвычайных условиях (прежде всего поражение в войне), наконец, пассивностью основной массы населения. И вовсе не случайно подобные «революции сверху» сопровождались громадными бедствиями для народа. Власть, присвоившая себе право вести народ по пути «прогресса», вела страну вперед силой принуждения.

И вот теперь, после революции Россия вновь очутилась в ситуации решающего выбора. Каким образом будет совершаться развитие страны к социализму (ведь Октябрьский переворот был назван социалистическим)? Каким образом Россия должна приступить к построению нового общества: «естественным» эволюционным, предполагающим учет интересов крестьянского большинства, с помощью развития промышленности, культурной революции, вовлечения рабочих и политически передовых крестьян в политическую деятельность, или радикальным, революционным, когда перевод экономики страны на другие («социалистические») рельсы совершается путем форсированной индустриализации со всеми вытекающими отсюда последствиями? От того, какую политику будет проводить партия и ее руководящая группа, зависело, как будет происходить развитие страны.

Поступательность против поступательности, развитие против развития – разобраться в таких «тонкостях» было не под силу не только рядовым коммунистам, но и руководящей группе партии. Между тем различие между ними было глубже, чем просто в сроках и формах: оно означало различие в *типах* общественно-экономического развития страны, в разных статусах обобществления. Первые исходили из того, что государство в строгих границах установленных им материальных прерогатив, политических прав и обязанностей будет регулировать экономическое развитие страны в интересах большинства. Вторые ориентировались на новый статус обобществления, при котором *обобществление будет тождественно огосударствлению*.

Автор статьи отдает себе отчет в том, что выпрямляет понимание тогдашней ситуации, абстрагируется от ряда переходных моментов. Историк никогда этого не делает. Но выпрямление, как бы ему ни сопротивлялись, является законом теоретического освоения истории. Это та «жертва», которую теоретик приносит самому себе, чтобы понять характер разноправленности

ленинского и сталинского подхода к ситуации в постоктябрьскую эпоху. (Замечу, что Сталин, который якобы продолжал дело Ленина, никогда не обращался к циклу последних работ своего учителя.)

Свой замысел «построения социализма» Сталин начал осуществлять с террора по отношению к старым партийным кадрам, работавшим с Лениным. Они представляли опасность для его планов как носители иной партийной традиции, иного понимания путей движения к социализму. Другого способа стать первым и незаменимым у него не было. Но постепенно масштабы репрессий разрастались. Под каток «большого террора» попали рядовые партийные функционеры, командный состав армии, сотни тысяч «простых» людей, крестьян, рабочих, интеллигентов, «националистов», недовольных сталинской политикой унификации. За счет упразднения возможности выбора, уничтожения альтернативности, обратных связей он объединил народ «сверху» под эгидой коммунизма-сверхдержавы, а сам предстал перед людьми как верный последователь Ленина.

В этом пункте мы подошли к самому трудному вопросу. Отдавая себе отчет в условности понятия «правоты», поставим перед собой вопрос: кто был «прав», Ленин или Сталин? С теоретической, политической зрения, не говоря уже об историческом типе развития общества (вместе с крестьянством), Ленин был безусловно прав. По этому намеченному им пути спустя полвека пойдет – разумеется, со своей спецификой – многомиллионный Китай. Но в политике «правота» означает нечто иное, чем в других областях знания и практики. Здесь на первом плане находится *результат*. Политика безжалостно пренебрегает всем и всеми, отбрасывает их, если они не ведут к результату. Оттого-то в исторических личностях у нас фигурируют Макиавелли, Кромвель, Наполеон, Ленин, Сталин и др. Даже политическая мораль, если таковая существует, рассматривает действия людей в ракурсе достижения определенных целей, перечеркивая обычные моральные нормы.

Это подметил когда-то А. Герцен. Вот что он писал, оценивая события Французской революции конца XVIII в.: «...вызывая в памяти эти героические и мрачные времена, не пользуйтесь, чтобы судить о них кодексом будничной морали, совершенно недостаточным для этих катаклизмов, освежающих воздух во время грозы, созидающих среди развалин. Подобные эпохи не следуют какой-либо морали – они сами предписывают новую мораль»¹². Дело, разумеется, не в том, чтобы совсем отказаться от моральной оценки критических моментов истории – цена октябрьской революции, всей революции, включая Термидор, настолько велика, что ее трудно определить просто как функцию исторической ситуации. Вопрос – в неверности моралистического метода рассмотрении истории. В истории, сожалению, бывают, такие ситуации, когда через подобные физические и нравственные трагедии народы поднимаются к исторической жизни...

За «социалистическое» будущее, заявленное как ломка жизненного уклада миллионов людей, за небывало короткие сроки проведения индустриализации советское общество расплатилось громадными жертвами. Каждый успех приобретался ценой утрат. Менялось все, и прежде всего психология и мораль людей. Новый человек рождался в суматохе новостроек и в крови «классовых врагов». Выполнение планов любой ценой становилось правилом. Преступления против отдельных людей и даже социальных групп превращались в обыденность: расстреливали и ссылали в лагеря не обыкновенных людей, а «классовых врагов», «заговорщиков». По крайней мере три

¹² Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. М., 1955. С. 244.

человеческие разновидности стали жертвой сталинского курса на «социализм». Прежде всего с помощью «сплошной коллективизации» он упразднил главную фигуру постоктябрьской эпохи: самостоятельного крестьянина, хозяйствующего на своей земле. Затем был «вычеркнут» партийный функционер, исполнитель замыслов Сталина, претендовавший на некое равенство в проведении сталинской политики. И наконец, интеллигент, притязавшей на свободу Слова.

Каким же образом Сталину удалось добиться подчинения общества своей политике? Прежде всего за счет репрессий и страха перед репрессиями. Но не только. Он умело использовал сохранившиеся от революционного прошлого политические инструменты. Рабочему классу внушалось, что он – единственный социалистический класс, что остальные группы населения либо противятся социализму, либо являются лишь «попутчиками», по отношению к которым пролетариат имеет право применять любые меры. То, что называлось политическим господством рабочего класса, было в России втиснуто в рамки одной-единственной централистки организованной партии. Благодаря этому политика партии определялась ее руководством (в пределе Генеральным секретарем). Такое положение обрекало партийцев, которые рвались к активной работе и самостоятельному мышлению, на роль оппозиции руководству партии и «генеральной линии». Победа руководящей группы во главе со Сталиным над «левыми» и «правыми» вела не к торжеству целого (т. е. партии) над одной из ее частей, а прокладывала путь авторитарной власти генсека. Единство партии было достигнуто путем отсечения несогласных.

Однако не только насилие сыграло свою роль в поддержке массами сталинского курса на форсированную индустриализацию. Сталин победил партийных функционеров и в итоге партию в том числе и потому, что интуитивно почувствовал настроения слоя людей (рабочих, крестьянской бедноты), не принявших НЭП. Вынужденные мириться с чуждым им хозяйственным укладом, с чуждой им культурой, эти люди чувствовали себя маргиналами в обществе, которое они завоевали. Большое значение имела и идеологическая составляющая.

Вера в социализм в 20–30-е гг. была онтологическим измерением российского общества. Только на основании социализма возможно было двигаться вперед. Во имя социализма люди были готовы отказаться от множества «мелкобуржуазных» привычек и удовольствий, от своих эгоцентрических привычек. Взамен они получали веру. Жизнь их приобретала смысл. Они оказывались причастными к великому и благородному делу. В этих условиях идеологическое самовосприятие СССР как страны строящегося социализма становилось опорой для понимания действительности, средством структурирования сознания общества. Идеология, созданная большевиками, оказалась успешной в то время: с одной стороны, она не позволяла увидеть противоречие между предлагавшимся обществу будущим и действительным положением дел, с другой – она оборачивала в свою пользу даже те аргументы, которые противоречили ей.

Из сказанного не следует вывод о единственности типа развития, навязанного стране Сталиным, хотя и об альтернативе этому типу говорить довольно сложно. Думается, что на протяжении периода 20–30-х годов существовали ситуации, открывавшие возможность иного, более «человеческого» движения страны. К ним, например, относятся 1924-й, 1927-й, 1934-й годы, когда еще существовал человек земли, а процесс «обезличивания душ» ли-

бо не начался, либо не достиг своего предела, а унификация национальных различий была еще впереди. М. Гефтер назвал эти ситуации «пред-альтернативными». Если брать середину 30-х, то одно лишь восстановление институтов Советской власти, отмена «исключительного положения», в котором находилась страна периода коллективизации, устранение запрета хотя бы на социалистическое слово могли бы, как представляется, «очеловечить» политику партии и государства.

История не занимается неосуществившимися возможностями, напротив, политическая философия, уверен, должна ими заниматься. Сталин опередил возможных реформаторов. Конституция 1936 г. – как всегда, на словах – шла гораздо дальше, чем все европейские демократические конституции. Вслед за этим последовал «большой террор» 1937 г. Так или иначе Сталин превратил в итоге всеобщность лидера, которой в годы революции обладал Ленин, в государственный институт, в идеологию и повседневную практику.

Огромные возможности деспотического государства, соединенные с азиатским игнорированием прав личности, дали Сталину неслыханную силу созидать и разрушать. В определенном отношении он был представителем той эпохи, которая вызвала его к жизни. Но историческую задачу этой эпохи, в отличие от 1917 г., представлял уже не социализм, ее представляла *держава*, где государство, вернее, партия-государство было всем, а человек – ничем. В условиях страны со слабой демократической традицией (говоря о «солидной демократической традиции»), Ленин имел в виду совершенно другое) это государство оказалось в состоянии сделать гигантский скачок в создании современной экономики (второе-третье место в Европе) и одновременно ослабить интеллектуальный потенциал страны, расшатать устои народной нравственности, воспитать огромный слой людей, приспособившихся к роли «массы».

Людам, желающим вывести Октябрьскую революцию и последовавшие за ней процессы за пределы отечественной истории, следовало бы вспомнить В. Ключевского, который вслед за С. Соловьевым осознавал особый характер движения отставшей страны вслед за развитыми. «Закон отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформы, – записывает он в дневнике в 1911 г. – Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро»¹³. «Наскоро» означало для Ключевского «низшую форму государства», «отсутствие права в русской жизни» и т. п. Ключевский иллюстрировал свои выводы реформами Петра I и Александра II. Сталинский рывок «вдогонку» за передовыми в экономическом отношении европейскими странами вполне вписывается в этот исторический ряд.

Подведем итоги. Октябрьская революция не оправдала (да и не могла оправдать) тех преувеличенных надежд, которые связывались с ее победой. Заявленное революцией новое общественное устройство привело в силу обстоятельств внешнего и внутреннего свойства к формированию тоталитарного режима, который дал второе дыхание «военному коммунизму» и практике форсированной индустриализации за счет разорения деревни. Но и не став социалистической, Октябрьская революция оказала огромное влияние на социальные процессы, происходившие в Европе и шире, во всем мире. Революция напугала буржуазию, и та пошла на ряд существенных социальных уступок рабочему классу. Разгром фашизма, в котором наша страна сыграла решающую роль, коренным образом изменил мировую ситуацию. Октябрь

¹³ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 416.

стал фактором освобождения народов от колониальной зависимости, приблизил крах колониальной системы. Результатом освобождения народов, находившихся под колониальным игом, стало появление новых независимых государств, выбравших свой, отличный от капиталистической метрополии путь к Современности.

И последнее. Россия сегодня вновь ставит на повестку дня многие из вопросов, которые Октябрьская революция не сумела решить в духе современной цивилизации или решила их, сообразуясь с ограниченными представлениями и ресурсами того времени. Но революция не была напрасной. Она стала тяжелым испытанием для нашего народа. Испытанием и уроком, который надобно осмыслить, учитывая новые исторические условия. В числе этих уроков я бы назвал такие, как экономика производительного неравенства, для которой форма собственности является делом не принципа, а практической целесообразности, рынок и конкуренция, развитие демократии, цивилизованное и, главное, цивилизующее государство (недостижимое, пока оно бюрократизировано и никому неподконтрольно), модель интегрального развития общества, которая была бы ориентирована на различия, на разные подходы, несовпадение традиций и условий и т. д. Все это не противоречит зачину, проекту Октября, хотя непосредственно и не вытекает из него. Но сегодня, в отличие от наших предшественников, мы знаем, что классовая борьба стала анахронизмом для России, сознательно достигаемое единство общества является главным ресурсом успешного развития нашей страны. И еще один важный вывод, подытоживающий драматический опыт российского народа: создание *другой* жизни не должно становиться катастрофой для *этой*.

Список литературы

- Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. М.: АН СССР, 1955. 550 с.
- Гейтер М.Я.* Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. 481 с.
- Граммши А.* Избр. произведения: в 3 т. Т. 3: Тюремные тетради / Пер. с итал. В.С. Бондарчука, Э.Я. Егермана и И.Б. Левина. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 565 с.
- Жижек С.* Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. В. Софронова. М.: Худож. журн., 1999. 234 с.
- Иванов Ю.М.* Социальная история России в свете трансформации экономических отношений в конце XIX – начале XXI века. М.: Карпов, 2007. 465 с.
- Капустин Б.Г.* Критика политической философии. Избр. эссе. М.: Территория будущего, 2010. 424 с.
- Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Мысль, 1968. 528 с.
- Колганов А.И.* К оценке социально-экономической природы общества советского типа // Социализм 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма / Под. общ. ред. А.В. Бузгалина и В.Н. Миронова. М.: Культурная революция, 2009. С. 333–387.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1967–1981.
- Ортега-и-Гассет Х.* Избр. тр. / Пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997. 704 с.

October Revolution as a dramatic way toward modernity

Igor K. Pantin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: i.pantin@mail.ru

The author argues that contemporary disputes over the historical significance of the Russian Revolution of 1917 are influenced not so much by any newly discovered facts about the events, as by the struggle between the opposing views on whether the effects of the October uprising can be regarded as the advent of Russian modernity. The progressive liberal assessment of the October revolution which has been prevalent in Russian-language academic literature rests on the assumption that the way followed by Western European nations in their development is predetermined for all countries, and this is a self-evident 'historical law'. Any dissimilarity, any discrepancy from this pattern of progressive advancement gets considered as a failure to hang on to one's place in the civilization process or as a result of an intervention of a 'non-historical force'. No doubt such an idea of historical development completely neglects the situations where the masses assume the role of true agents of history, as human beings capable of 'self-legislation' and willing to break with the logic imputed by the old order. Moreover, a transformation of this kind is actually provoked in them not by their free will but rather is enforced onto them by the changing circumstances which demand revolutionary action.

Keywords: revolution, alternative, dictatorship, party, Jacobinism, agency, historical process, autocracy

References

- Gertsen, A. *Sobranie sochinenii* [Collected works], Vol. 6. Moscow: Academy of Sciences USSR Publ., 1953. 550 pp. (In Russian)
- Gefter, M. *Iz tekhn i etikh let* [Of those and these years]. Moscow: Progress Publ., 1991. 481 pp. (In Russian)
- Gramsci, A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Vol. 3. Moscow: Inostrannaya literatura Publ., 1959. 565 pp. (In Russian)
- Zizek, S. *Vozvyshennyi ob»ekt ideologii* [The sublime object of ideology], trans. by V. Sofronov. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal Publ., 1999. 234 pp. (In Russian)
- Ivanov, Yu. *Sotsial'naya istoriya Rossii v svete transformatsii ekonomicheskikh otноshenii v kontse XIX – nachale XXI veka* [Social history of Russia in the perspective of economic relations in the late XIX – early XXI century]. Moscow: Karpov Publ., 2007. 465 pp. (In Russian)
- Kapustin, B. *Kritika politicheskoi filosofii. Izbrannye esse* [Critique of political philosophy. Selected essays]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2010. 424 pp. (In Russian)
- Klyuchevskii, V. *Pis'ma. Dnevnik. Aforizmy i mysli ob istorii* [Letters. The Diaries. Aphorisms and thoughts about history]. Moscow: Mysl' Publ., 1968. 528 pp. (In Russian)
- Kolganov, A. "K otsenke sotsial'no-ekonomicheskoi prirody obshchestva sovetskogo tipa" [Assessing the socio-economic nature of Soviet-type societies], *Sotsializm 21. 14 tekstov postsovetskoi shkoly kriticheskogo marksizma* [Socialism 21. 14 texts of the post-Soviet school of critical Marxism], ed. by A. Buzgalin and V. Mironov. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2009, pp. 333–387. (In Russian)
- Lenin, V. *Complete works*, 55 Vols. Moscow: Politizdat Publ., 1967–1981. (In Russian)
- Ortega y Gasset, J. *Izbrannye trudi* [Selected works], ed. by A. Rutkevich. Moscow: Ves' Mir Publ., 1997. 704 pp. (In Russian)